

Сиб. театр.  
и сиб. У. Ниш и сиб.  
Воронеж

№ 6 ЯНВ 1985

ПРАВДА  
г. Москва

# Энергия воодушевления

Т Е А Т Р

Вышло так, что последние театральные впечатления оказались связанными с Личностью. Это был первый объединяющий мотив. Второй — сильное, без скидок, эмоциональное воздействие. Третий — во всех случаях речь шла о самодейтельном творчестве.

Недавно был разговор с мастером театральной режиссуры. Сказала, что цену самодеятельности. Он в ответ: «А я, знаете ли, профессионализм». Но не дилетантство хотелось бы воспеть и возвысить. Любовь к совершенству разделяю. Стремление к совершенству полагаю неотъемлемой чертой всякой подлинно художественной натуры. Но если выбирать между холодным профессионализмом и талантливим любителем (а жизнь — культурная в том числе — то и дело подбрасывает материал для сравнения), не сомневаясь, отдаю предпочтение последнему. Тут важны диалектика, направление движения. Притом не только эстетическая, этическая сторона тоже играет роль, в конечном счете сказываясь вновь на эстетике.

Три московских самодеятельных коллектива сыграли три премьеры — «Гамлет», «Добрый день, господин Гоген» и «Всегда ты будешь». Каждая стала в своем роде праздником.

«Гамлет» — случай печальный и на профессиональной сцене. А тут Гамлет в исполнении Виктора Авялова в Театре-студии на Юго-Западе. Те, кто еще не видел этого актера, запомните его фамилию и попытайтесь увидеть: явление, в самом деле, интереснейшее. До того как сыграть Гамлета, он (между прочим, шофер по профессии) переиграл множество ролей — от гоголевского Кочкарева до булгаковского Мольера. Необычная внешность, замечательная пластика, глубокая одухотворенность — диапазон возможностей таков, что подвластен и фарс, и трагедия.

Гамлет Авялова — тот самый тонкий инструмент, что неизмеримо сложнее флейты. Страдающий, сомневающийся, но я знающий, охватывающий внутренним взором целый мир, с его самыми низменными, пошлыми проявлениями и его

«вечными вопросами». Обладая богатым актерским темпераментом, Авялов на подлинно трагическом накале проводит сцену встречи с отцом-призраком в целый ряд других. Но особенно хороши его «тихие» сцены, когда горестное, всеобъемлющее размышление об ограниченности людских возможностей сопрягается с проникновением в горные выси духа.

Малое помещение театральной студии позволяет актеру остаться как бы наедине с каждым из зрителей, а точнее, вадее с самим собой. Малое помещение — не только возможность «крупного плана» героев. Оно катализатор режиссерской фантазии. Белякович, режиссер с «красным» дипломом ГИТИСа (полученным, кстати, впервые в истории института за постановку любительского спектакля), шестой год обживает это помещение. Все глубже режиссер, все выразительнее игра светом и звуком, все артистичнее исполнители. В «Гамлете» две удачные образ Гамлета и образ спектакля в целом. Найден ритм отлаженного механизма, в котором «прогнано что-то» только для обостренного самосознания и мирознания Гамлета — для остальных привычный механизм работает пока еще нормально. Плутается интрига, заговоры, человеческое достоинство и сама жизнь не вменяют цены. «Он человек был в полном смысле слова», отец принца Гамлета, его и убрали, и теперь торжествуют властолюбие, сластолюбие, личные корыстные интересы искусно выдаются за государственные.

Режиссерская мысль обмелет все сложное пространством пьесы, оно обжато до самых потаенных глубин. К большому сожалению, на первых спектаклях недотягивали до необходимого объема актеры, играющие роли Полония, королю, в некоторые другие. Говорю это прямо, без обиняков, потому что с этой труппой возможен и необходимый разговор по такому счету. Надо идти вглубь: набрасывая масштабное, яркое полотно, прорабатывать все художественные

детали, его составляющие. Самодеятельность (имея в виду термин в его широком значении) — это самоосуществление личности. В этом социологический смысл и социальная необходимость. Однако будем искренни: за обычным сочетанием слов «художественная самодеятельность» далеко не всегда стоят высокая художественность и подлинная самодеятельность. В этом деле немало формального, неинтересного, невысокого по вкусу. Тем важнее ориентир, и их немало, на которые следует равняться, если по правде пробовать и искать, не уставая, а не отбывая, что бесплодотворно и скучно. Греческое слово «энтузиазм», которое здесь к месту, означает «воодушевление, душевный подъем».

Еще двадцать, еще десять лет назад творческая неудовлетворенность, незаполненность профессионального актера заставляла проявлять душевный подъем, «добирать» в самостоятельных работах, студиях. Сегодня со студиями хуже — по разным причинам. Сегодня актеры чаще всего не «голодные», особенно в столице. Есть телевидение, радио, кино, возникли малые сцены. На этом фоне особо дорог длящийся душевный подъем профессиональных актеров, которые составили студию «Драматург». Статус ее существования также самодеятельный. Задача — открывать новую драматургию, талантливые новые пьесы.

Вот странность: наш театр буквально «книжает» зарубежные версии судеб известных лиц, скажем, Сальери в Моцарта, предпочитая быть десятилетиями, двадцатилетним интерпретатором уже прошедшей по всем сценам пьесы, нежели стать первооткрывателем своей, отечественной, по уровню ничуть не ниже западной. Спасибо хотя бы студии «Драматург», которая занимается этим благородным делом.

В спектакле «Добрый день, господин Гоген», постановленным руководителем студии Георгием Соколовым по пьесе Аркадия Ставицкого, все «ве

так», как мы привыкли видеть в иных благостных жизнеописаниях художников. Да ведь и художник «не такой». Бунтарь, взорвавший не только своими полотнами — всей жизнью банальные представления буржуа о том, каким должно быть искусство и его создатель. Гоген (Юрий Морозов) врывается в благополучный быт благополучного собрата по кисти шокирующе дерзко. В первых, он восхваляет сам себя, во-вторых, навязывает себя в качестве постольца, вообще не желает ни с кем считаться. Он неудобен, в нем нет никакой приятности. Хорошо нам, зрителям: мы знаем, что он — Гоген! А какое было его реальное окружение, которому он в самом деле мешал жить? Поставленные проблемы не просты, тут не дважды два, тут действительная жизнь, в какой обывателям трудно с художником, но как же трудно самому художнику! «Кто ставит его перед выбором? — страстно вопрошает Гоген буржуазку мадам Неккер, обращаясь в ее лице к власти имущим «дешевым мешкам», — или ты, как мы хотим, или подымай с голоду в безвестности. Кто взял на себя право решать за французский народ, какое тому нужно искусство, а какое чертям?» Уродливые формы, в какие загнала Гогена действительность, искажали, отменили многое в его жизни, не умея отменить одного: ответственность художника перед собственным талантом.

Интерес к личности — сложной, богатой, многогранной, включающей в себя весь мир с его насущными проблемами, поднимает тех, кто к этой личности прикасается, расширяет и углубляет их собственный мир. Люди — творческие, в частности, — растут, дотагиваясь до задач, которые ставят перед собой. Еще и в этом обогащающее содержание самостоятельного творчества.

Видела молодежь, образовавшую Народный театр-студию у Никитских ворот, через несколько месяцев после того, как они явились по объявлению. вывешенному Марком Ро-

зовским в Центральном доме медиников. Обещаний было больше, чем свершений. Но медсестра в пекарь, продащица и рабочий сцены, школьник и врач, пришедшие прямо с улицы, были подвижны и раскованны, во всех ощущениях художественная потенция.

В эти дни Народный театр-студия у Никитских ворот играет спектакль «Всегда ты будешь», сочиненный и поставленный Розовским по дневникам московской девушки Нины Костериной, писаниям погибших героев, документам и стихам, связанным с Отечественной войной. Это очень чистый спектакль, преображающий не только нас, зрителей, но, кажется, и их, актеров. Современные мальчишки и девочки, они в обыкновенной своей жизни живут, как и все, не надо их идеализировать. В этом спектакле они существуют выпукло и прекрасно. Соединение почти детской чистоты и светлой радости в восприятии жизни с ведением мужеством и в детским чувством долга, когда грянула беда, составляет контрапункт, нерв этой работы. Потрясающие человеческие судьбы, потрясающие характеры проходят перед нами в скупых строчках разрывающих душу последних посланий, последних выкриков из застывших палачей. Как человек живет, так он и умирает. Смерть бывает страшной и старому человеку. Каково же было встретить ее на пороге, на рассвете бытия! Нина Костерина (Марина Михайлова), юноши и девушки, чьи короткие истории воссоздает спектакль, зная, что увидит, и делала это хорошо. Мужественно. Уносил в сердце и завета нам идею справедливости, свободы, любви и Родины.

Ничуть не вычурный, простой этот спектакль — поистине спектакль-рекамен, спектакль-память, который не забудется.

Гамлет, Гоген, Нина Костерина. Ряд, казалось бы, небесспорный. Убеждает в его правомерности художественный результат, не отменяющий наших надежд, подтверждающий, что душевный подъем, душевная отдача по-прежнему в силе и в цене.

Ольга КУЧКИНА.